Рубеж 1933 № 27 с. 12-14 (14)

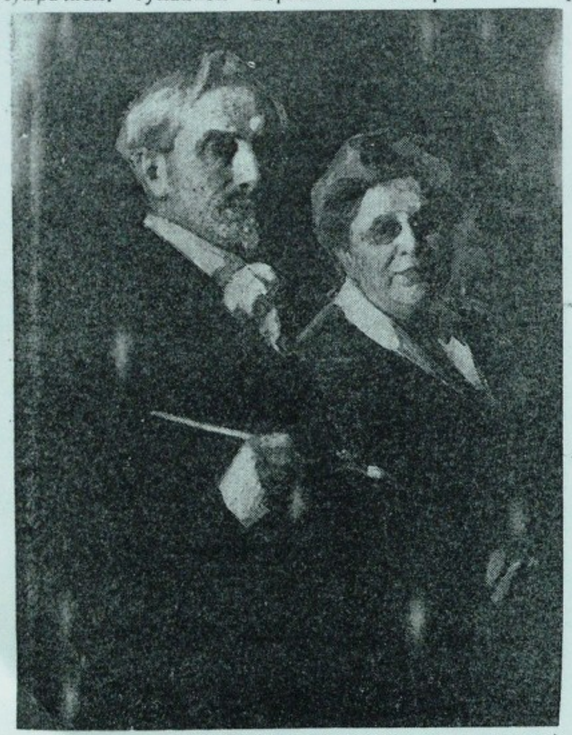
РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ В БЕРЛИНѢ.

Маститый Л. Пастернак. — Талантливая семья Фалилѣевых. — Л. Голубев-Багрянородный.

От берлинскаго корреспондента „Рубежа“.

Леонид Пастернак — эффектная фигура в берлинском художественном мірѣ. В Парижѣ, міровой столицѣ художников, Пастернак. может быть, и не привлек бы вниманія своей стройной, юношески легкой фигурой, своей бѣлой шевелюрой и неизмѣнным бѣлым бантом вмѣсто галстука...

Все это бѣлое, свѣтлое в вѣчно сумрачном, туманном Берлинѣ не может не броситься в глаза.



Л. Пастернак. ХУДОЖНИК С СУПРУГОЙ (Автопортрет).

Пастернаку не так давно исполнилось 70 лѣт, — Пастернак на-днях показал мнѣ свою послѣднюю работу, — цвѣты в корзинѣ с фруктами. Если-бы не, что называется, еще невысохшія краски, я бы не повѣрил, что эта дышащая жизнью, солнечной в нее влюбленностью, картина написана глубоким стариком.

Откуда эта свѣжесть красок, эта поющая колоритность в такіе годы?..

Нѣмецкіе художественные критики посвятили юбилейной выставкѣ нашего знаменитаго художника восторженныя статьи, в первую голову выдѣляя его непревзойденное мастерство в портретном искусствѣ.

Портреты Гауптмана, проф. Эйнштейна, нѣмецкаго поэта Рильке, дѣйствительно поразительны.

— „Портрет должен не только передавать внѣшнее сходство, — говорит мнѣ проф. Л. О. Пастернак, — он должен также освѣтить внутреннее содержаніе изображаемаго. Но, кромѣ того, он должен быть декоративным. Портрет должен украшать стѣну.“

Портреты Ремизова, Маклакова, Протопопова, Шаляпина, Льва Толстого, Скрябина, Кусевицкаго, Артура Никита, Ключевскаго, это — не только галлерея знаменитостей, это красочное богатство такого разнообразія, что просто кричать хочется от жажды жизни.

Если художнику даже в портретах удалось сказать об этой ему вѣдомой прекрасной тайнѣ жизни, — значит, стоит и слѣдует еще жить.

У Пастернака в прошлом — интересная, богатая встрѣчами и впечатлѣніями жизнь.

Одна из комнат выставки проф. Л. Пастернака.

Его дружба со Львом Николаевичем Толстым — богатая и нескончаемая тема для воспоминаній.

Маститый художник вспоминает о тѣх годах, когда ему приходилось бороться с нуждой:

— „Нянька моего сына Бориса, нынѣшняго поэта, весьма сочувствовала нашему положенію. Убаюкивая ребенка, она пѣла ему собственнаго сочиненія пѣсенку. Я не помню дословно... Но хорошо сохранилось у меня, что „вырастешь большим, — папа не будет уже сам малевать, а наймет себѣ сподручных“. Вот. однако и Борис мой уже имѣет сына, а я все еще малюю и малюю без сподручных“.

Завидная жизнь, завидная старость.

* * *

Раз уж заговорил о зависти, то нельзя без оной говорить о художественной семьѣ Фалилѣевых.

Сам В. Д. Фалилѣев посвятил себя гравюрѣ, этой наиболѣе значительной отрасли графики. Искусство графики является одним из самых утонченных видов области изобразительнаго творчества.

В. Д. Фалилѣев давно уже составил себѣ имя, как один из самых даровитых мастеров новой русской графики.

Его жена, Екатерина Качура-Фалилѣева, — яркая художница, чьи акварельныя работы, так же, как и офорты, пользуются заслуженным успѣхом заграницей. Ея масляныя полотна поражают не только технической завершенностью, но и всегда волнующими, глубокими исканіями.

Наконец, юная скульпторша, Е. В. Фалилѣева, дочь талантливых родителей, уже обратила на себя вниманіе своими скульптурными работами.

Заграницей, все-таки, недостаточно еще извѣстны работы В. Д Фалилѣева; его изумительно исполненный портрет жены, в оливково-сѣрых тонах chiaroscuro, по красотѣ композиціи и мягких переливов свѣтотѣни, силѣ бликов и твердому характеру рисунка представляет собою одну из самых гармоничных, значительных и сильных работ художника в этом стилѣ.

Фалилѣевы — упорные и большіе труженики. В жестокой борьбѣ за право жизни они стоют лучшей доли.

В Берлинѣ русским художникам, особенно в переживаемое время, — дѣлать нечего.

Я подолгу разсматриваю волжскіе рисунки В. Д. Фалилѣева. Волга — его излюбленная тема. Фалилѣев чувствует душу Волги, — великую, простую, могучую, — и передает уголки и захолустья ея притоков, пристаней, побережій.

Глядишь на волжскіе рисунки и понимаешь, как должно быть тѣсно буйной творческой фантазіи художника в тщательно распланированной природѣ Берлина.

* * *

Третьим художником из числа тѣх, кому посвящается настоящій очерк, является Леонид Голубев-Багрянородный.

К. Голубев-Багрянородный. КИПР.

Я не случайно включил портрет этого своеобразнаго художника в очерк об академически-строгом Пастернакѣ и изысканно-тонких Фалилѣевых.

Голубев - Багрянородный — художник парижской богемы. В Берлинѣ он застрял случайно и совсѣм не к берлинскому двору его поистинѣ художественная натура.

К. Качура-Фалилѣева. УХОДЯЩАЯ.

Фалилѣевы, — мат-художница и дочь-скульпторша.

Личность в нем неотдѣлима от художника, и поэтому слѣдует сказать нѣсколько слов о нем самом.

В первые дни футуризма, когда по Россіи разъѣзжали с поэзо-лекціями Дав. Бурлюк, В. Хлѣбников, Иг. Сѣверянин, — Л. Голубев стал Багрянородным и даже выпустил книжку стихов под созвучным эпохѣ названіем „Ожерелье плевков“.

Л. Голубев был тяжело ранен на войнѣ, лишился нѣскольких ребер.

Начатыя интересныя работы ему не удавалось довести до конца.

Война — то великая, то гражданская — прерывала занятія Голубева. С таким же увлеченіем, как Голубев отдавался футуризму, — он отдался войнѣ.

Послѣ эвакуаціи Крыма, — Голубев оказался на островѣ Кипр, гдѣ об эту же пору находился Сергѣй Горный.

Оба они были заражены переливчатым узором ярких красок и оба они, по-своему, отразили свои богатыя и интересныя наблюденія — Голубев в талантливых оригинальных полотнах, Горный — в насыщенной, темпераментной книжкѣ „Кипр“...

Голубеву в первые годы эмигра-